

---

pocket**book**

---

rocket**book**

ТОМАС КЕНИЛЛИ

Дочери Марса

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
К35

Thomas Keneally
THE DAUGHTERS OF MARS

Copyright © 2012 by Thomas Keneally

Перевод с английского *Александра Уткина*

Оформление *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

Кенилли, Томас.

К35 Дочери Марса / Томас Кенилли ; [пер. с англ. А. Уткина]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 640 с.

ISBN 978-5-04-093250-4

Впервые на русском языке — книга от создателя знаменитого «Списка Шиндлера», в которой блестяще соединились семейная история и исторический роман, рассказ о людях, о войне и людях на войне.

Салли и Наоми — сестры, но они никогда не были особенно близки. События, связанные со смертью их матери, увеличили пропасть между ними, но в то же время связали их узами, которые сильнее любви и привязанности, — чувством общей вины и необходимостью хранить общую страшную тайну.

Сестры добровольно отправляются на фронт — в разгаре Первая мировая. Ужасы войны становятся испытанием, через которое им предстоит пройти вместе. Сблизит ли это их или разведет окончательно?

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

© Уткин А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-093250-4

Книга первая

1. Убийство миссис Дьюренс

В долине только и разговоров было, что уехали-то две сестры Дьюренс, а вернулась лишь одна. Трудно было сказать, какая именно, ведь девушки одинаково сторонились людей, да и похожи были как две капли воды — обе темноволосые и высокие. Даже местная газета, и та попала впросак. К тому же обе были не из тех, у кого подружек хоть отбавляй — едва успевай здороваться в дни распродаж. Подождите, подождите, до войны с родителями оставалась младшая — или нет? Ну та, что пониже ростом. Она еще возила мать, миссис Дьюренс, к врачу в Сидней. Оно и понятно — разве эти коновалы с Макуэри-стрит что-нибудь смыслят?

После ночной качки на борту «Карравонга», едва они вышли из залива Брокен Бэй, миссис Дьюренс наконец уснула и проспала до тех пор, пока ее не растолкал разносивший чай стюард — Салли стояла на палубе, боясь пропустить вход судна в Порт-Джексон.

Мать и дочь успели выпить еще по чашке чаю у верфи в Дарлинг-Харбор, а потом Салли доставила уже засыпавшую на ходу миссис Дьюренс в приемную на Макуэри-стрит.

Осмотрев больную, известный врач направил ее из своего кабинета напрямиком на рентген в больницу в Сидней. Потом они с Салли встретились с Наоми,

второй дочерью миссис Дьюренс, той самой, которую считали слегка высокомерной — больница в Маклей для нее, видите ли, мелковата, — и которая провела пару лет в Сиднее.

В тот день, пока эксперты изучали на снимках тайны внутренностей миссис Дьюренс, чтобы разобраться, наконец, что с ней, мать с дочерьми выпили превосходного чаю в «Каилле». Сестры понимали, что миссис Дьюренс не хочет показывать им, как она страдает. Слишком хорошо они знали свою мамочку, которая ни словечком не обмолвится, пока мочой или кровью не изойдет.

Вечером Наоми устроила их в своей квартирке в Бонди-Джанкшн — мать уложили на кровать Наоми, Салли легла на кушетке. Они вполне могли переночевать у младшей сестры миссис Дьюренс Джеки в Рэндвике, но миссис Дьюренс ни за что не согласилась бы сообщить сестре о своих болячках. И Салли, и Наоми то и дело просыпались от сдавленных стонов матери. Но на следующее утро Наоми — само тщеславие, — бойко натянув форму и надев красную шапочку, как ни в чем не бывало заторопилась на дежурство в Королевский госпиталь Принца Альфреда.

В жестах Наоми Дьюренс, в ее худобе, длинных руках и ногах, доставшихся ей от предков, было нечто, отличавшее ее от остальных членов семейства, и родители хорошо это понимали. Да, городскую жизнь она предпочла дому. Но поскольку им было не чуждо тщеславие, они при случае могли этим даже прихвастнуть — мол, наша-то вон где обосновалась. Салли же трудилась в небольшой больничке в Маклей, за рекой, всего в трех милях от дома. Ну и хвала ей и слава — кто спорит, верность — есть верность. Но по-настоящему глаза родителей загорались от доходивших до фермы Дьюренсов вестей о городском житье-бытье Наоми.

«Рак матки», — объявил миссис Дьюренс на следующее утро врач. Неоперабельный, ибо операция —

штука болезненная, опасная, долгая, да и нет гарантии, что удастся остановить стремительно разрастающуюся опухоль. Операционное вмешательство эффективно на ранней стадии, а как видно из снимков, метастазы уже образовались. Если не изнурять себя работой, есть побольше фруктов, добавил он, еще годик протянете. Так ее муж — владелец молочной фермы? Ну, стало быть, никакой маслобойки и никаких доек спозаранку. Врач пообещал выписать рецепт на обезболивающее. И еще сообщить ее врачу больницы в Маклей, чтобы тот за ней проследил.

— Вам повезло, что обе дочери у вас — медсестры, — добавил врач.

— Да, повезло, — ответила миссис Дьюренс, воссияв от гордости, но в ту же секунду боль напомнила о себе.

Следующим вечером они с Салли отправились восвояси все на том же «Карравонге». Наоми провожала их в Дарлинг-Харбор. Вблизи от тех самых мерзких лачуг Рокса. Именно оттуда и приползла бубонная чума, это произошло, когда Салли и Наоми были еще детьми. Чума умудрилась проникнуть и дальше на север — из-за какой-то несчастной крысы, притаившейся на борту «Карравонга». Наоми оставалась в крохотной каюте до последнего гудка, потом спустилась на берег и стояла на пирсе, помахивая нелепым носовым платком будто персонаж душеспитательной картины на тему эмигрантских прощаний.

— Она такая красавица, правда, Сэл? — обратилась к Салли миссис Дьюренс, бессильно опершись о перила, скорее от боли, чем от усталости. — И такая элегантная, да?

Платок продолжал трепетать и когда корабль по нефтяным пятнам добирался до Дауэс-Порта. Вообще, махать на прощание платочком — жест, с головой выдающий провинциалку. Однако во всем предусмотрительная Наоми сознательно пошла на риск показаться

деревенщиной. Она пообещала Салли приезжать почаще и помогать ей, но то, что она остается жить в городе, подразумевалось само собой.

Ночью было довольно свежо, и миссис Дьюренс ко всему прочему колотил озноб. Да и уснула она только за полночь. Салли на рассвете снова вышла на палубу и разглядывала накатывавшиеся на желтый песок залива Траэл-Бэй синие волны, которые в конце концов заполнили водой речную отмель, и «Карравонг» смог в него войти.

Полгода миссис Дьюренс ела фрукты и сидела на залитой солнцем веранде. А по ночам ею завладевал рак. Салли продолжала работать в дневную смену в местной больнице, но теперь спала в комнате матери. Отец перебрался в пристройку за домом. Когда обычно сдержанная бодрячка миссис Дьюренс все же признавалась, что ей совсем невмоготу, Салли впрыскивала ей десять миллиграммов морфия подкожно. На выходные приезжала и Наоми дать сестре передохнуть. А в промежутках мистер Дьюренс за ежедневную плату нанимал соседку, дочь миссис Сорли, посидеть с миссис Дьюренс, да и муж приглядывал за супругой. Так как сам мистер Сорли погиб, придавленный спеленным кедром, вздумавшим рухнуть не вперед, как положено, а чуток набок, дети его семейства всегда были готовы подсобить.

Салли со всей ясностью убедилась, что, хотя ее родителей в равнодушии друг к другу никак нельзя было упрекнуть, Эрик Дьюренс входил в спальню к жене с таким видом, будто они — не супружеская пара, а всего-навсего знакомые. Видимо, опасался показаться слишком уж настырным. Мать и отца всегда разделяла некая незримая стена учтивости и такта. И Салли понимала, что они и ее заразили этим, и Наоми. Возможно, поэтому — хотя и не только поэтому — Наоми решила убраться из дома подальше в надежде, что в ином окружении ей легче будет открыться людям.

Боль настолько изводила миссис Дьюренс по ночам, что она не раз признавалась Салли, что молит Бога, чтобы тот поскорее забрал ее к себе. Ужасно непривычно было слышать из ее уст подобное — миссис Дьюренс всегда терпеть не могла патетики, — но, вероятно, недуг вынудил ее и к этому.

Шел уже седьмой месяц, как миссис Дьюренс слегла, и Наоми приехала домой, оставаясь с матерью на весь день, а по ночам они с Салли сменялись. Это было на вторые сутки после приезда Наоми, когда она лежала в спальне миссис Дьюренс на жесткой раскладушке, а Салли спала у себя. Наоми должна была поднять Салли в четыре утра, чтобы та ее сменила, но так и не решилась постучаться к ней почти до самого рассвета. Наоми оставалась в платье и туфлях, глаза девушки покраснели от слез.

— Мама умерла, — доложила она. — Такое горе, но ее нет больше. Я сбежала к Сорли и попросила их сына, чтобы тот съездил в город за доктором Мэддоксом.

Салли, запинаясь, пробормотала нечто скорбное и невразумительное и собралась спуститься в переднюю. Наоми, обняв ее за плечи, заговорщически посмотрела сестре прямо в глаза. В этом взгляде Салли усмотрела соучастие в убийстве. В ту секунду они оказались крепко-накрепко повязаны милосердием и преступлением — обе вновь были кровные сестры, а не медсестры из разных больниц.

— Ты не разбудила меня вовремя, — заметила Салли.

— Незачем было, — непреклонно заявила Наоми, по-прежнему не отрывая взгляда от сестры. — Она так и так умерла еще до четырех часов.

— Пусти меня к ней, я хочу на нее посмотреть.

— Я обмыла ее и уложила.

— Без меня?

— Не хотелось тебя будить. Я бросила в печку ее платье и все ее тряпье, вытряхнула туда же все таблет-

ки, флаконы разбила и истолкла в порошок. Выплеснула и этот отвар из ревеня, который миссис Сорли считает наилучшим снадобьем от всего на свете.

Воздух и правда отдавал дымом.

Взяв сестру за руку, Наоми повела ее вниз, через прихожую в ту самую скромную комнату, где их когда-то зачинали. Эти любимые и ненавидимые ими эвкалиптовые стены полутемных коридоров, так привязавшие к дому Салли и, напротив, вытолкнувшие прочь Наоми.

Взору Салли предстала мать — посеревшая, убранная, умиротворенная — черты внезапно обрели былое, похищенное муками, девичество.

До Салли донесся ее собственный плач, она бросилась к телу матери, принялась целовать ее лицо. Кожа покойников ощущается по-иному. Они пребывают уже за пределами страданий и недуга. Салли припала губами к руке матери. От нее пахло незнакомым мылом, тем, которым ее обмывала Наоми. И это тоже подтверждало факт смерти. При жизни мать источала обыденный запах мыла «Санлайт».

Салли поняла, что стоит на коленях, поглаживая руку мамы, а Наоми чуть позади. Наоми, которая всегда и во всем была первой, предпочла вдруг задний план. Салли не могла понять, как ей быть — то ли возненавидеть сестру, выцарапать ей глаза или же пасть перед ней ниц в знак восхищения и признательности. Решительно поднявшись, будто задумав что-то, она скользнула взглядом по игле для подкожных инъекций, по раствору морфия, приготовленного ими из прописанных доктором Мэддоксом таблеток, по неиспользованным флакончикам с такими же таблетками, которые тот наверняка осмотрит, а потом вернет на склад.

Салли подошла к туалетному столику и буквально онемела, не найдя на нем перламутровой щеточки с остатками волос матери. Она помнила, в каком из

ящичков мать хранила тюбик с заветрившейся губной помадой и бежевую пудреницу.

— Верно, — сказала Наоми, — надо бы ей чуточку подкрасить лицо.

Это прозвучало скорее как просьба, нежели приказ, и Салли подчинилась.

Тайком накопленная ею смертельная доза морфия лежала в стоявшем в прихожей шкафу, где хранились скатерти и полотенца. Как Наоми ухитрилась его достать? Ясно, что раствор, приготовленный Наоми для укола милосердия, был вылит, а оказавшиеся лишними уворованные Салли из больницы, где она работала, таблетки были преданы огню, как и отвар из ревеня. Салли, которая тем временем всю раскрашивала мертвый материнский лик, не сомневалась, что они с сестрой поняли, что произошло, даже не обменявшись взглядами. Еще вчера в их отношениях доминировала отчужденность. Теперь все изменилось. Теперь отчужденность сменилась скрытностью, но особого рода, той, что сближала.

— Папа уже встал? — поинтересовалась Салли. — Он уже знает?

— Нет еще. Я побоялась ему сказать. Может, сейчас ему скажем? Как-никак, хоть лишних пару минут бедняжка пусть побудет в неведении. Потому что, даже если его жена скончалась, он ни за что не пропустит утреннюю дойку.

Но Салли почувствовала, что у сестры не хватит духу выложить такую новость отцу. Наоми, всеми способами пытавшаяся сбросить с себя гнет родительского дома, не замечать замаравшего его пятна хвори, сейчас во всей полноте ощутила его. Она расположилась на дальнем конце постели как раз напротив Салли, старавшейся рационально и методично подкрасить застывшее, без тени озабоченности лицо.

— Я и понятия не имела, что у вас здесь все так плохо, пока не приехала, — призналась Наоми. — Она

жила в мире мучений, и другого не знала и не понимала. Ладно, хоть все кончилось.

Салли с головой ушла в свое занятие.

Да, мамочка, раздобыть самое нужное для тебя оказалось легче легкого. Я просто выдрала пару страниц из регистрационной книги выдаваемых лекарств — раньше сестры тоже выдирали их, потому что им не нравилось, что часть записей сделана неаккуратно. Потом я переписала дозировки на чистые страницы, приплюсовав к ним дополнительную дозу в одну восьмую грана морфия, которую потом взяла из хранилища и принесла домой. Вряд ли кто-нибудь из врачей пару месяцев спустя будет в точности помнить какую-то там дозу. Да и наплевать, если даже запомнят.

Она спрятала таблетки под простынями в стоявшем в прихожей комод. Эти два грана, если их растворить и впрыснуть, избавляют и от болезни, и от мук, связанных с совершенно ненужным лечением. Проникая в организм, они заклинивают механизм агонии. Заклинили.

Перед тем как припудрить лицо матери, она поцеловала ее в лоб. Эрик Дьюренс будет поражен, увидев, какая красавица его умершая жена.

— Я вколола ей полграны, потом мы поцеловались и держали друг друга за руки, и я даже боялась сильно сжать ладонь, чтобы ненароком ей косточки не переломать. Потом она отошла, — проговорила Наоми.

— Ты постояла над ней? — спросила Салли.

Обе хорошо знали, как редко пациент умирает под взглядом стоящей над ним медсестры, которая к тому же еще и держит его за руку. Смерть не прочь ухватить то, что плохо лежит.

— К счастью, — ответила Наоми и бровью не повела, хотя и не взглянула на сестру, — к счастью, я была рядом.

И Салли снова поразила сестре — Наоми выбрала единственно правильное решение, не спасовав в решительную минуту, и поступила так из любви. Это ей,

Салли, следовало так поступить! Даже в этом, мелькнула у Салли полубезумная мысль, тебя не обскакать. Но Наоми оказалась в нужное время и в нужном месте, ибо, сумев проникнуть в ее тайну, взвалила бремя облегчить страдания матери на себя. Немыслимая потеря и радость избавления от мук — они и определяли сегодняшний день: освобождение матери от мира, к которому она, казалось, так и не смогла привыкнуть, сколько Салли и Наоми ее помнили. Что же касается ее дочерей, им теперь предстоит привыкать к новым реалиям. Привыкать любить и ненавидеть на новый лад, а еще стыдиться друг друга.

Дороги успели просохнуть, и утром на машине пожаловал доктор Мэддокс. Жители городка — полнейшие невежды по части медицины — обожали его за доброту, обязательность и удивительную скромность. И это там, где любому лекарю ничего не стоило сотворить себе репутацию чудотворца. Но персонал больницы понимал, что доктор Мэддокс хоть и горький пьяница, но дело свое знает крепко и что обязывает его к этому некое запомнившееся на всю жизнь событие из далекого прошлого. Случалось, он оперировал, но лишь тогда, когда скальпель в руку взять было решительно некому, он, если не заложит за воротник, был и оставался одним из лучших хирургов провинции. Он мог как угодно напортачить с вещами второстепенными — с бумажной работой, к примеру, не исключая и выписку свидетельств о смерти. Эти огрехи благополучно скрывались под обликом эдакого рубахи-парня, готового помочь любому и распространявшего недвусмысленное амбре перегара.

В то субботнее утро доктор Мэддокс склонился над усопшей, поинтересовался у Наоми насчет последнего укола — дескать, сколько кубиков, выслушал ее, горестно вздохнул — мол, какая хорошая женщина была бедняжка миссис Дьюренс, такая отзывчивая, добрая. Потом выписал свидетельство о смерти, показал бумагу

Наоми и Салли, где утверждалось, что миссис Дьюренс скончалась от рака, нефрита и истощения. Доктор Мэддокс констатировал смерть от нефрита и истощения уже очень многим в этой долине. От нефрита и истощения почил в бозе практически все жители местности по обеим берегам реки до самых до синих холмов, поросших лесом, где и лесорубы умирали исключительно от нефрита и истощения, если только кто-нибудь из них не погибал, придавленный упавшим деревом. В свидетельствах о смерти фермеров, которые свели счеты с жизнью из-за невозможности расплатиться с банком, приняв яд, тоже красовалась дежурная и спасительная формулировка доктора Мэддокса.

В то утро, когда миссис Дьюренс уснула вечным сном, доктор Мэддокс сидел за кухонным столом, пил чай, заваренный Салли, старательно избегавшей встречаться глазами с Наоми, и беседовал с отцом девушки — разговор был обычным мужским разговором, обменом фразами, чуть смущенным и донельзя банальным. Крупные черты лица отца Наоми и Салли не выражали ничего, с таким же видом он вполне мог общаться со своими наемными работниками. Скорьб еще не успела оставить на нем отметин, но чувствовалось, что оставит, причем ждать этого недолго.

* * *

Теперь, кажется, ничто не удерживало и Салли в Маклей-Вэлли. Она уже с добрый год засиделась в невестах. Сестра ее вернулась в Сидней к своим делам. Мистер Дьюренс работал как вол, временами нанимая для подмоги мальчишек семейства Сорли. Но Салли чувствовала, что еще не время покинуть родительский кров. Мерзко и гнусно сбежать сейчас. Слишком уж легко было бы взять да снять с себя ответственность за совершенное преступление, тем самым опорочить и честь матери. Другое дело ее сестра, та имела право

на бегство, поскольку именно решительность была ее сильной стороной. И сбежала она *еще до того*. И хотя все вокруг, не колеблясь, объявили Эрика Дьюренса вдовцом, сиречь свободным, как ветер, Салли его таковым не воспринимала.

Да и местная больница обладала силой притяжения. В ночь на среду после похорон матери ей сказали, что в больнице от перитонита умер 14-летний мальчик, и Салли свято уверовала, что хлынувшие при этом известии слезы суть дань ее матери и своего рода откуп всем окрестным жителям. И девушка иногда верхом, а чаще в двуколке, в форменном одеянии медсестры продолжала ездить в Шервуд и обратно по широкой желтой дороге и по перекинутому через речку шаткому мостику. Она казалась неотделимой от зеленой травы загонов и выгулов.

Именно в больничных коридорах во время ночных дежурств милосердие, проявленное ими к их матери, трансформировалось в преступление, от которого не отмахнешься. Я поступила так, оттого что была на пределе сил? Сыта по горло ночными и дневными бдениями? В кабинете медсестер на другом конце приемного отделения, хоть и пропустившего через себя решительно все на свете виды хворей, увечий и связанных с ними мук, которые все равно не могли сравниться с теми, что выпали на долю матери, Салли безутешно рыдала, ибо ночные мольбы и стенания всех пациентов этой больницы вместе взятых не шли ни в какое сравнение с дневными мольбами и стенаниями умершей, но обреченной на вечную жизнь в памяти Салли матери.

Девушку двадцати двух — без малого двадцати трех — лет окружающие считали подверженной некоей грустной задумчивости, той самой, из которой и проистекают самые тяжкие, по мнению большинства бушменов, грехи: замкнутость, необщительность, отчужденность. Или же от души сочувствовали ей. Как кандидатке в старые девы.